Колдуны и вѣдьмы,

мовые, лѣшие, русалки, чары и наговоры,

Примѣты и повѣрья.

Очерки народныхъ суевѣрій.

Н. Грушецкаго.

Изданіе М. Е. Конусова.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.
1898.

Дозволено цензурою. С.Петербургъ. 1 Апрѣля 1898 г.

Колдуны и колдуньи въ старину.

Темному человѣку трудно жить на свѣтѣ. Все то ему непонятно, и тамъ, гдѣ знающій разомъ увидитъ суть дѣла, темный, незнающій запутается и не съумѣетъ ступить шагу. Въ старину, когда людей свѣдущихъ было меньше, чѣмъ теперь, вовсе плохо жилось. Люди не знали, что надо жить чисто, грязи заводить меньше, и потому, коли случится болѣзнь заразительная, такъ и пойдетъ мереть народъ. Какъ лечить — не знали, да и подойти боялись къ больному. А тамъ глядишь неурожай. Теперь скорѣй можно изъ другого мѣста привезть хлѣба, чѣмъ прежде, когда дороги были плохія, а то и вовсе не было, и мрутъ бывало люди съ голоду. Да и войны частыя разоряли цѣлыя государства. Такъ и жили всѣ въ вѣчномъ страхѣ, что вотъ-вотъ бѣда случится. А откуда бѣда, откуда чума,

голодъ и всякое зло—темнымъ людямъ и не въ домекъ. Какъ тутъ не подумать простому человѣку, что зло это напущено. А какъ зло напустить безъ нечистой силы, безъ помощи дьявола? Стали слѣдить другъ за другомъ, нѣтъ-ли кого, кто сносится съ нечистымъ, кто его силой напускаетъ на людей бѣду. У страха глаза велики, вотъ и мерещится напуганному человѣку всякая „чертовщина“:

„Пошла я за водой, говоритъ одна баба, гляжу — идетъ сосѣдка, только поровнялась я съ ней, а меня въ бокъ и кольнуло“; „у меня она скотину похвалила, а скотина то и заболѣла“, говоритъ другая.

Укралъ мужикъ у бабы мѣшокъ и сдѣлалъ изъ него заплату на штаны. Черезъ недѣлю заболѣли у него ноги. „Колдунья она, проклятая“, рѣшилъ мужикъ-воръ. „Это отъ ея мѣшка“. „Колдунья и есть“, говоритъ другой—я вотъ у ея родни на свадьбѣ дюже наѣлся... Она меня угощала, такъ потомъ животъ дня три болѣлъ.“

Что же дѣлать съ колдовствомъ, какъ отъ него избавиться?

И вотъ люди рѣшили подвергать такихъ колдуновъ и колдуній ужасной казни сжигать живыми на кострахъ. Но какъ узнать

кому помогаетъ дьяволъ. Вѣдь этого не увидишь глазами, не услышишь, такъ какъ ничего этого нѣтъ. И тутъ человѣческая темнота и жестокость придумали „пытку“. Хватаютъ напримѣръ кого попало по чьему нибудь оговору и начинаютъ пытать: мучить, допрашивать, знается ли онъ съ чертомъ. Муки такъ сильны, что изъ милліона одинъ развѣ вынесетъ, а всѣ остальные наплетутъ на себя что угодно и другихъ еще оговорятъ. Какъ можно вынести, когда начнутъ по порядку продѣлывать одно истязаніе за другимъ. Вотъ какъ судили въ старину: приводятъ кого нибудь, чаще всего женщину, на которую есть указаніе, что она колдунья, въ судъ. Сидятъ судьи и свѣтскіе и духовные, епископы, священники, монахи.

„Признавайся добровольно, говорятъ подсудимой, тогда тебя удавятъ и тѣло сожгутъ на кострѣ. А не признаешься - живьемъ сожгутъ“. Но она не сознается, хочетъ доказать свою невинность. Какъ же такъ умирать безъ всякой вины?

„Тебя въ пыткѣ оговорила вѣдьма, ее сожгли“,—продолжаютъ судьи. „Она тебя видѣла какъ ты въ такую-то ночь ѣздила на шабашъ“.

— Да вѣдь на пыткѣ все можно сказать— оправдывается несчастная, спросите мужа, сосѣдей, я въ эту ночь была дома.

— Ты вырыла изъ могилы такого-то младенца и сдѣлала изъ него волшебный порошокъ.—Не унимаются судьи.

— Разройте могилу, и увидите, что ребенокъ тамъ.

— Ты испортила такихъ-то дѣтей.

— Вотъ ихъ родители. Спросите хоть ихъ. Всѣ дѣти здоровы, одинъ только немного поболѣлъ.

— Не сознается вѣдьма,—злятся судьи.— Путаетъ насъ, „умудряетъ ее дьяволъ“... Позвать свидѣтелей.

Свидѣтели тоже ничего не помнятъ. Начнетъ иной со страху наговаривать, да собьется, спутается.

— Помогаетъ ей дьяволъ: отшибаетъ память у свидѣтелей. Сознавайся сама — пристаютъ къ ней. Но та не хочетъ.

— Не сознаешься?.. Въ пытку ее.

И пойдутъ терзанія. Раздѣваютъ догола и сначала ищутъ печать дьявола, колютъ въ разныхъ мѣстахъ иглой. Думали, что дьяволъ отмѣчаетъ своихъ слугъ, кладя на тѣлѣ у нихъ знакъ, и въ этомъ мѣстѣ человѣку не

больно и кровь не идетъ, хоть коли острой иглой. Теперь въ больницахъ есть много людей, которые не чувствуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ боли на кожѣ, и если даже сдѣлать разрѣзъ, то и кровь не пойдетъ. Въ старину не знали, что есть такая болѣзнь, и думали, что это печать дьявола.

Потомъ, нашли печать, или нѣтъ, все равно, привязываютъ къ скамейкѣ и начинаютъ, по порядку, то завинчивать суставы, такъ что кровь брызжетъ изъ-подъ ногтей и кости дробятся, то вывихивать руки, то подвѣшивать за руки на веревкѣ, и бить плетьми. Этого мало: смазываютъ подошвы масломъ и подвигаютъ къ огню, отчего кожа лопается и мясо отваливается отъ костей. И каждый разъ все спрашиваютъ: „зналась съ дьяволомъ, на шабашѣ была?“ Кто же вытерпитъ и не наговоритъ чего угодно, только бы перестали мучить. И сознаются, наговариваютъ на себя чего только не подскажутъ имъ судьи. Но и этого мало. „Кого видѣла на шабашѣ?“ И человѣкъ долженъ оговаривать совсѣмъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, отдавать ихъ на такія же муки и на костеръ. Сознался на пыткѣ — удавятъ и тѣло сожгутъ, а не сознался — сожгутъ живьемъ. Многіе умирали

на пыткѣ. „Ишь ты, — рѣшаютъ судьи, — заморилъ дьяволъ слугу своего, чтобы не выдалъ его тайны“. Иной судья могъ похвастаться, что сжегъ нѣсколько сотъ колдуновъ и колдуній на своемъ вѣку. Всякій заподозрѣнный въ колдовствѣ попадалъ на пытку и на костеръ. А заподозрить ничего не стоитъ. Живетъ человѣкъ бережливо, есть деньги — дьяволъ помогаетъ; живетъ богато, не жалѣетъ денегъ — тоже дьяволъ помогаетъ, даетъ на расходъ. Часто ходитъ старуха въ церковь — глаза отводитъ, чтобы колдовства не видали; рѣдко ходитъ въ церковь, — тоже чертъ не велитъ. Печаленъ человѣкъ — совѣсть нечиста, съ дьяволомъ знается и т. д. безъ конца.

И до чего доходила людская темнота. Одинъ судья получаетъ изъ деревни доносъ на вѣдьму: „извѣщаемъ — пишутъ ему — что такая то напускала на деревню нашу чертей и самыхъ чертей этихъ посылаемъ къ вамъ въ засушенномъ видѣ“. При доносѣ оказалась банка, а въ ней какія-то козявки. Не могутъ даже сообразить люди, какое же зло могутъ причинить такіе черти, которыхъ можно засушить и отправить въ банкѣ, хоть по почтѣ. И много гибло народу по такимъ доносамъ.

Во Франціи лѣтъ триста тому назадъ сожгли за 30 лѣтъ болѣе ста тысячъ человѣкъ. Въ той же Франціи въ городѣ Тулузѣ одно время сжигали по 400 человѣкъ въ день. Одинъ епископъ сжегъ заразъ 22 дѣвочки въ возрастѣ отъ семи до десяти лѣтъ. Другой обвинялъ въ сношеніяхъ съ дьяволомъ 3-хъ — 4-хъ лѣтнихъ дѣтей и сжегъ нѣсколько мальчиковъ въ возрастѣ отъ 9-ти до 14 лѣтъ.

Всѣхъ этихъ 3-хъ — лѣтнихъ и взрослыхъ колдуновъ и колдуній не то что находили случайно, а искали нарочно. Держали особыхъ сыщиковъ и платили имъ деньги за каждаго отысканнаго колдуна или колдунью. Кончалось тѣмъ, что сыщики, желая заработать побольше, доносили на кого попало. Одинъ изъ нихъ, умирая, покаялся передъ смертью, что отправилъ на костеръ 220 завѣдомо-невинныхъ женщинъ.

Такъ и жили всѣ въ вѣчномъ страхѣ. Каждый могъ ожидать, что не ныньче-завтра его оговорятъ и онъ попадетъ на пытку, а затѣмъ и на костеръ. Люди слабые духомъ до того доходили отъ этого страха, отъ этого ожиданія, что впадали въ сумасшествіе, шли и сами на себя наговаривали. Судьи рады, сей-

час допрашиваютъ, пытаютъ и жгутъ, а имущество казненнаго берутъ себѣ. Бывали примѣры, что не одинъ, не два человѣка, а съ разу цѣлая толпа сойдетъ съ ума и начинаетъ кричать, бѣсноваться и корчиться. Иногда это дѣлалось и притворно. Во время этихъ припадковъ люди оговариваютъ ни въ чемъ неповинныхъ лицъ. Иной разъ въ безпамятствѣ, а иной разъ по злобѣ называли перваго попавшагося, и того сейчасъ же хватали.

Въ одномъ женскомъ монастырѣ всѣ монахини начали корчиться и выть на разные голоса и въ этихъ корчахъ кричать, что на нихъ наслалъ бѣса, испортилъ ихъ священникъ Грандье. А этого Грандье онѣ и въ глаза не видали, слыхали только, что онъ знаменитый проповѣдникъ. Священникъ какъ только узналъ объ этомъ, такъ тотчасъ же пошелъ въ монастырь самъ, думалъ было успокоить монахинь проповѣдью, но тѣ кинулись на него и начали щипать, рвать и бить такъ, что его вырвали отъ нихъ еле живого. Сейчасъ же, ни въ чемъ неповиннаго, Грандье арестовали и начали пытать. Но это былъ крѣпкій духомъ человѣкъ и не хотѣлъ ни въ чемъ сознаваться. Монахи,

которые были злы на него за общую любовь и уваженіе въ городѣ, сами помогали пытать. Ему сорвали всѣ ногти и такъ раздавили ноги, что мозгъ выступилъ изъ костей. Чтобы везти на костеръ, его завернули въ солому. Онъ было хотѣлъ съ костра сказать, что неповиненъ ни въ чемъ, но стоявшіе около монахи начали бить его палками, крестами и сами подожгли костеръ. Только послѣ догадались, что монахини были больны и ихъ слѣдовало лѣчить, а вовсе не хватать людей по ихъ оговорамъ.

У насъ въ Россіи лѣтъ двѣсти тому назадъ тоже пытали въ тюрьмахъ и жгли на площадяхъ заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ. Тоже наговаривали и доносили другъ на друга и по злобѣ и по невѣжеству. Оговореннаго немедленно вели въ тюрьму, тамъ его ждала пытка, а потомъ смерть или заточеніе на вѣкъ. Рѣдко, рѣдко кто могъ вытерпѣть или какъ нибудь оправдаться.

Такъ погибло многое множество ни въ чемъ неповинныхъ людей въ самыхъ страшныхъ мученіяхъ только потому, что люди вѣрили въ колдовство, вѣрили въ помощь дьявола, думали что можно съ этой помощью причинить всякое зло: напускать порчу, болѣзни на человѣка, засуху на поля и падежъ на скотъ.

Мало-по-малу свѣтъ знанія сталъ разсѣивать темноту. Увидали, что колдуны или больные, или обманщики, или же совсѣмъ неповинные ни въ чемъ люди. Однихъ значитъ надо лѣчить, другихъ наказывать за обманъ, а никакъ не терзать и не сжигать на кострахъ. Стали появляться законы, въ которыхъ запрещали розыскивать вездѣ колдуновъ и вѣдьмъ. Мало-по-малу страхъ у всѣхъ началъ проходить и меньше стало съумасшедшихъ, которые оговаривали бы сами себя, и вѣра въ колдовство стала исчезать. Въ городахъ теперь и рѣчи нѣтъ о колдовствѣ: школы и доктора, знаніе и лекарство убили колдуновъ и колдуній, ихъ нѣтъ теперь нигдѣ, но въ деревняхъ и до сихъ поръ еще думаютъ, что есть люди, которые могутъ знаться съ „нечистымъ“, могутъ причинить и вредъ и пользу при помощи дьявола. Скоро и въ деревняхъ увидятъ, что это все вздоръ, что бояться колдовства могутъ только ничего не знающіе люди, которымъ только и свѣту въ окнѣ что ихъ деревня. Чѣмъ больше обученъ человѣкъ, тѣмъ больше понимаетъ все, что вокругъ него дѣлается, колдовство тамъ только и живетъ, гдѣ есть темные незнающіе люди.

Колдуны-знахари въ наше время.

Деревня и въ наше время еще колдуетъ и вѣритъ въ колдовство. Прослыть колдуномъ въ деревнѣ ничего не стоитъ. Иной разъ и не хочетъ человѣкъ, а такъ все подойдетъ, что считаютъ его колдуномъ и баста.

Вотъ что разсказывалъ одинъ хорошій и зажиточный мужикъ о томъ, какъ его люди ославили колдуномъ. „Держалъ я мельницу, разсказывалъ онъ,—и былъ у насъ въ деревнѣ парень, Иваномъ звали, сильный да ловкій, на всѣ руки мастеръ. Пріѣзжаетъ онъ какъ то на мельницу рожь молоть, а я собираюсь ужинать идти на деревню—дѣло то было подъ вечеръ. Побудь, говорю, Ванюха, пока я сбѣгаю на деревню поужинать, постереги здѣсь. Согласился. Пошелъ я, да шутя и спрашиваю, а ничего, молъ, не боишься ночнымъ дѣломъ одинъ то остаться на мельницѣ? Эка, говоритъ, да я самому черту рога обломаю. Не понравилось это мнѣ. Постой же думаю, погляжу я, что ты за храбрецъ такой, да тихонько и вернулся съ дороги. Лицо вымазалъ грязью, на голову надѣлъ вершу, что изъ прутьевъ плетутся, пробрался подъ колесами въ мель-

ницу да и шевелюсь потихоньку у творила, гдѣ колеса мажутъ. Гляжу: Иванъ мой заслышалъ шорохъ и крестится, а я какъ рявкну, да къ нему, а самъ еще рожу сдѣлалъ. Что тутъ было! Иванъ мой какъ оглашенный въ дверь, сшибъ ее съ крючка, да и подралъ въ деревню. Иванъ кричу, Иванъ куда ты, стой-это я. Гдѣ тутъ, его и слѣдъ простылъ. Вотъ, думаю, надѣлалъ себѣ хлопотъ, теперь карауль его лошадь и поужинать неудастся. Работника то я не держалъ. Жду пожду—нѣтъ парня. Пришлось лечь на голодное брюхо. Утромъ гляжу, а Ванюха на дворѣ возится у телѣги. Такъ то, говорю, мельницу мою достерегъ вчера. „Да что, дядя Антонъ, прости, озябъ я, говоритъ, до смерти, пошелъ погрѣться", а самъ на меня какъ то странно поглядываетъ. Что, думаю, срамить человѣка, не скажу ему ничего. Всему бы и конецъ. Анъ что вышло то потомъ. Дня черезъ три приходитъ старуха одна изъ деревни. „Батюшка, помоги", и въ ноги. „Чего тебѣ?—спрашиваю. „Да Ванятка-то мой испилъ вчера воды студеной на покосѣ и теперь какъ жаръ горитъ, мечется и въ ротъ ничего взять не можетъ".—„Что-жъ я то сдѣлаю?" „Да—комужъ и сдѣлать то какъ не тебѣ?" Не пойму

ничего, а она въ одну душу: „Батюшка, такой-сякой, помоги чѣмъ знаешь", да все въ ноги. Постой, думаю, дамъ-ка ей земляничнаго листа. Самъ я его частенько пью. Занеможется иной разъ, напьешься, глядь и лучше. Далъ, научилъ что сдѣлать, а на утро она опять ко мнѣ. Что, спрашиваю, иль хуже? „Какой хуже, парень утромъ ныньче и на покосъ поѣхалъ, спасибо тебѣ"—и суетъ холста кусокъ, аршиновъ пять. „Это, говорю, зачѣмъ, не надо." А та свое: „возьми да возьми". Зло меня разобрало:—отдай, говорю, на церковь. Ушла. И повалилъ съ тѣхъ поръ народъ ко мнѣ. Ванюха-то самъ все разболталъ по деревнѣ. Сначала шли за лекарствомъ, а тамъ ворожить просятъ. Я гнать, не тутъ то было, валомъ валятъ. Пошелъ я къ священнику, разсказалъ все какъ было. Посмѣялся онъ. „Ничего, говоритъ, ты колдунъ невольный, помогай чѣмъ можешь, лечи, самъ знаешь—доктора поблизости нѣтъ". Такъ вотъ и слыву колдуномъ съ тѣхъ поръ, и лечу чѣмъ могу.

Это колдунъ невольный. Ему и въ голову не вошло бы морочить людей, обманывать и плутовать. Но бываетъ и такъ, что кто нибудь нарочно пользуется людской темнотой, выдаетъ себя за колдуна и запугиваетъ вся-

чески народъ, только бы всѣ считали его знахаремъ. Пускаются въ ходъ всѣ обманы. Каждый знаетъ, что лошадь, особенно деревенская, хорошо чуетъ и звѣря всякаго, и жилье еще издали. Стоитъ волку или медвѣдю перебѣжать только дорогу, и лошадь почуетъ его слѣды, если вскорѣ пойдетъ по этой же дорогѣ. И вотъ какія штуки продѣлываютъ обманщики, чтобы одурачивать несвѣдущихъ людей. Намазываютъ свѣжимъ волчьимъ саломъ или кровью камни и разбрасываютъ ихъ по дорогѣ, по которой скоро долженъ проѣхать свадебный поѣздъ, а сами прячутся вблизи. Лошади, какъ дойдутъ до этого мѣста, такъ и станутъ бѣситься, почуявъ запахъ звѣря. Всѣ въ испугѣ не знаютъ что дѣлать. Примѣта дурная: ѣдутъ на свадьбу и вдругъ ни съ того, ни съ сего лошади стали бѣситься и не хотятъ идти дальше. Колдунъ тутъ какъ тутъ. Всѣ конечно къ нему съ просьбой выручить, отвести лихую бѣду. Тотъ поломается сначала, но въ концѣ концовъ за хорошую плату и угощеніе идетъ, бормочетъ что то и собираетъ свои камни. Какъ запахъ звѣря пропалъ, такъ и лошади успокоились и весь поѣздъ трогается дальше. Конечно всѣ поѣзжане себя не помнятъ отъ испуга

и на разные лады удивляются силѣ колдуна. А потомъ и въ деревнѣ и во всей округѣ разславятъ какой такой страшный вѣдунъ объявился у нихъ.

Вотъ еще одинъ простой случай, но котораго долго никто не могъ понять и всѣ приписывали силѣ колдуна. Купилъ богатый мужикъ собаку хорошую и злую. Привязалъ на цѣпь и думалъ, что теперь пожалуй отъ лаю и отдыху не будетъ. Не тутъ то было. Собаку точно подмѣнили: свернется калачикомъ и молчитъ цѣлый день. Позвали колдуна. Тотъ подумалъ и говоритъ: „еще не настало время, когда можно будетъ пособить горю, приду самъ и помогу“. Точно, приходитъ черезъ нѣсколько дней. „Подержите, говоритъ, собаку“. Подержали. Онъ взялъ и намазалъ ей чѣмъ то хвостъ. Пустили, собака опять свернулась калачикомъ, но вдругъ вскочила, дико залаяла и стала рваться на цѣпи. Потомъ немного поуспокоилась и опять хотѣла лечь, но только что прикоснулась носомъ къ хвосту, какъ опять вскочила и начала лаять. Дѣло въ томъ, что колдунъ намазалъ ей хвостъ волчьей кровью. Какъ только хвостъ коснется носа, такъ собака почуетъ волчій запахъ и начнетъ метаться. А тамъ

попривыкла къ новому мѣсту и опять стала злымъ и хорошимъ сторожемъ. Вотъ какъ просто объяснилось это колдовство.

Да и все такъ. Если бы не вѣрили колдовству, а постарались бы взглянуть на дѣло просто, то и увидали бы какъ иной разъ виденъ обманъ и мошенничество вмѣсто всякаго колдовства. Пропала, напримѣръ, у кого нибудь скотина. Сейчасъ къ знахарю-колдуну. „Будь отцомъ, укажи, гдѣ найти“. „А вотъ, говоритъ, идите въ лѣсъ и тамъ у такого то дерева привязана ваша скотина“. Отправляются, и точно стоитъ себѣ на указанномъ мѣстѣ. Ну какъ тутъ не подумать, что колдунъ либо самъ укралъ да привязалъ ее, либо другой кто сдѣлалъ это и разсказалъ ему. А вмѣсто того удивляются всѣ, задариваютъ колдуна и ахаютъ, какъ это могъ человѣкъ такъ вѣрно узнать. Сейчасъ начнутъ поминать нечистаго; и рѣшаютъ что конечно дьяволъ помогаетъ, вотъ и знаетъ все колдунъ. И какія басни только не ходятъ въ народѣ про колдуновъ и вѣдьмъ. Разсказываютъ, что бабы, продавшія душу нечистому, становятся вѣдьмами и ѣздятъ на метлахъ на шабашъ (бѣсовскій праздникъ), обращаются сами во всякихъ звѣрей и могутъ другихъ обращать.

Этихъ „оборотней“ будто нельзя убить изъ простого ружья, а только изъ заговореннаго. Вѣрятъ, что вѣдьма можетъ сгубить всю жатву, нагнать засуху или дождь, навести болѣзнь, отнять у коровъ молоко, словомъ надѣлать всякаго зла. И вотъ, какъ пришла бѣда: засуха или моръ—болѣзнь повальная, такъ и пойдутъ валить все на колдуновъ да на вѣдьмъ. И сколько же невинныхъ людей погибаетъ при этомъ.

Въ одной деревнѣ поселилась старуха съ маленькой внучкой. Старуха была работящая, изъ силъ выбивалась, чтобъ только внучка нужды не знала. Выросла дѣвушка въ теплѣ да въ ласкѣ, веселая, кроткая, привѣтливая. Подошла пора сватовства. Отъ парней отбою нѣтъ, богачи и тѣ зарятся на красотку-работницу. Но той больше всѣхъ полюбился небогатый кузнецъ. Одна бѣда — въ солдаты идти жениху. И ушелъ. „Жди, говоритъ, коли любишь“. „Буду ждать“, отвѣчала дѣвушка и сдержала слово крѣпко. Шесть лѣтъ пробылъ солдатомъ кузнецъ, шесть лѣтъ ждала и терпѣла насмѣшки ото всѣхъ вѣрная своей любви невѣста. „Брось, говорили ей, выходи за другого, нешто будетъ ждать и любить тебя шесть лѣтъ парень въ солдатахъ“. Но

та ничего не слушала и дождалась: какъ только вернулся кузнецъ, такъ и женился на ней. „Приворожила парня“ — рѣшила вся деревня, шутка ли черезъ 6 лѣтъ не забылъ, и стали косо смотрѣть на кузнечиху. А та еще лѣчить вздумала по добротѣ сердечной. Кому травки дастъ какой, сушеной, кому поможетъ совѣтомъ отъ нездоровья. „Знахарка“—твердятъ всѣ. А тутъ еще бѣда приключилась. Лѣто стояло сухое, кормъ былъ плохой и коровы перестали давать молоко. „Выдоила какая то вѣдьма, проклятая, сыскать ее надо“, рѣшила вся деревня. И стали искать невѣдомо чего и невѣдомо какъ. Развели костеръ изъ осиновыхъ дровъ на перекресткѣ 4-хъ дорогъ и ждутъ перваго кто подойдетъ къ костру — это и будетъ вѣдьма. Подумаешь какъ просто! Случись около костра кузнечиха, шла съ поля да видитъ костеръ разведенъ и подошла къ нему. Кончено дѣло, сыскали, и съ тѣхъ поръ не стало проходу кузнечихѣ. Ругаютъ, поносятъ, бить даже стали. Та видитъ—житья нѣтъ, собралась было переѣзжать съ мужемъ въ городъ на житье, да не успѣла.

Какъ то вечеромъ три мужика стали крутить съ пьяныхъ глазъ около кузницы. Не

найдутъ дороги, да и конецъ. Только отъѣдутъ отъ кузницы, поплетутъ, покружатъ, да опять къ ней и вернутся. Казалось чего бы проще: напился человѣкъ, дѣло ночное, зима, мятель, ну и заблудился тамъ, гдѣ и трезвый то не найдетъ дороги. Такъ нѣтъ же, какъ можно безъ нечистой силы, вездѣ то она мѣшаетъ. Мужики иззябли, напугались и только и дѣлаютъ, что чертыхаются, да поминаютъ лихомъ того, кто ихъ водитъ. На бѣду кузнечиха и выйди, хотѣла посмотрѣть кто это маячитъ безъ толку столько времени. Тѣ какъ увидали ее, такъ и кинулись съ дубьемъ, нашли дескать врага. Не прошло и минуты, какъ раздались стоны, крики и несчастная женщина была изуродована и брошена мертвой на дорогѣ. Мужиковъ судили и сослали. Да что-жъ изъ этого?—съ ними не сослали темноту и невѣжество. Только вмѣсто одной невинной женщины погибло еще и трое мало повинныхъ мужиковъ. Не вѣрь они въ колдовство—имъ и въ голову бы не пришло, что къ нимъ идетъ вѣдьма.

Былъ еще и такой случай. Здѣсь ужъ цѣлая деревня, а не три пьяныхъ мужика, принимала участіе въ страшномъ преступленіи. Въ Новгородской губерніи жила старая, сла-

бая и неспособная къ работѣ женщина. Думала, думала она какъ ей прокормиться, и рѣшила заняться ворожбой, стала шептать на воду, да больныхъ лѣчить. Какой разъ больной выздоровѣетъ, какой нѣтъ. Неудастся вылѣчить, какъ нибудь выкрутится старуха: „ты зачѣмъ, скажетъ, ко мнѣ правой ногой черезъ порогъ переступалъ, развѣ не знаешь, что къ знахарю надо лѣвой входить“, или еще что-нибудь придумаетъ. Утромъ встанетъ на зарѣ и начнетъ руками на солнце махать, да причитать. Повалилъ народъ къ ней. Не житье старухѣ, а масляница. Отъ всѣхъ почетъ, а кто ей не понравится, тому еще пригрозитъ. „Погоди, скажетъ, попомнишь ты меня“. И прожила бы такъ весь вѣкъ и никому бы и въ голову не пришло, что это—обманщица. Да случилась въ деревнѣ падучая болѣзнь. А болѣзнь эта такая, что, глядя на одного, и другой можетъ заболѣть, такъ что окажется больной цѣлая толпа. Откуда болѣзнь, никто не знаетъ. Гдѣ бы съѣздить за докторомъ, а тутъ рѣшили извести болѣзнь съ корнемъ: отыскать и убить того, кто напустилъ такое зло на деревню. Стали перебирать кто бы могъ причинить селу такую бѣду, и остановились на знахаркѣ. Обозлились всѣ.

„Ишь ты, говорятъ, проклятая, мы ей всякое одолженіе, а она чѣмъ задумала отплатить намъ“. И не долго думая порѣшили сжечь ее живьемъ. И вотъ собралась вся деревня, и со старостой во главѣ двинулась къ избѣ несчастной бабы. Забили всѣ окна, двери и, обложивъ кругомъ соломой, подожгли избу. Сгоравшая живьемъ страшно кричала и молила, но не одинъ не шевельнулся помочь ей,—такъ всѣ были увѣрены, что жгутъ колдунью. Мужиковъ за это конечно судили и сослали на каторгу, но въ округѣ всѣ были увѣрены, что мужики невинны и сдѣлали доброе дѣло.

И какъ только дѣло коснется колдовства, такъ каждый вдругъ свирѣпѣетъ и дѣлается какимъ то звѣремъ, не жалѣетъ даже самыхъ близкихъ людей. Вотъ примѣръ: не взлюбила старуха свекровь невѣстку и рѣшилась извести ее. Стала мучить, наговаривать и сыну и мужу, что невѣстка занимается колдовствомъ и хочетъ ихъ испортить. Тѣ сначала не повѣрили. Тогда свекровь надѣлала какихъ то узелковъ съ перышками и сунула ихъ невѣсткѣ подъ подушку. А потомъ вдругъ стала рыться у ней сама же, и какъ только нашла эти узелки, такъ кинулась къ невѣсткѣ и

стала бить ее по лицу съ визгомъ, крикомъ и ругательствами. На крикъ прибѣжали и мужъ и сынъ. Свекровь къ нимъ съ этими узелками и говоритъ, что ей не вѣрили, а вотъ оказывается она говорила правду и невѣстка то колдуетъ. Мужики совсѣмъ озвѣрѣли. Связали несчастную по рукамъ и ногамъ и стали ее страшно бить, требуя, чтобъ она созналась въ колдовствѣ. Мало этого, потащили ее на чердакъ, повѣсили за волосы на балку и продержали въ такомъ положенiи 10 часовъ. Въ это время свекровь всячески мучила ее: колола ей тѣло и лицо шиломъ, прикладывала ей къ ногамъ раскаленныя сковороды, а мужики били чѣмъ попало. Наконецъ сосѣди услыхали и, кое-какъ, при помощи станового выручили ее. Несчастная женщина скоро умерла въ больницѣ, а свекровь созналась на судѣ, что это она подкинула узелки по злобѣ. Мужиковъ и старуху сослали въ Сибирь, но этимъ не вернули къ жизни замученную женщину и не убили вѣру въ колдовство.

Колдуютъ и ворожатъ очень многiе, и несутъ имъ крестьяне денежки. Всякiй почетъ и уваженiе колдуну: ему первое мѣсто на свадьбѣ, ему поклонъ до земли на улицѣ.

Пригрозитъ колдунъ, такъ страху не оберется суевѣрный человѣкъ. Колдунъ-знахарь и лечитъ, и ворожитъ, и просто совѣты даетъ тамъ, гдѣ иной разъ ничего и не смыслитъ. Въ болѣзни знахаремъ въ деревнѣ можетъ быть только докторъ, а гдѣ его нѣтъ, такъ священникъ или учитель, а простой какой нибудь совѣтъ дать можетъ всякiй разумный и знающiй человѣкъ. Зачѣмъ же обращаться къ знахарямъ и знахаркамъ, колдунамъ и колдуньямъ? Только напрасная трата денегъ и затемнѣнiе ума и сердца.

Болѣзни и деревенское лѣченiе.

Не дай Богъ заболѣть деревенскому человѣку. Мало того, что до настоящаго доктора часто бываетъ далеко и не скоро можно достать лекарства, потащутъ еще къ деревенскимъ знахарямъ, а тѣ и пойдутъ морочить и надувать. Натерпится больной муки всякой и долго будетъ помнить лѣченiе, если еще живъ останется. А то придумаютъ сами какое нибудь лѣченiе, и не дай Богъ тогда попасться въ руки этимъ знахарямъ. Всѣхъ болѣзней не перечесть, но вотъ нѣкоторыя для примѣра, какъ плохо довѣрять знахарямъ.

Особенно много бѣды и несчастья случается при заразительныхъ болѣзняхъ. Тутъ съ перепугу темные люди нерѣдко дѣлаютъ самыя ужасныя преступленія. Есть болѣзнь, которая называется холерой. Въ старину думали отъ нея избавиться тѣмъ, что закапывали иной разъ въ землю живьемъ больного холерой человѣка. Конечно такое ужасное лекарство не могло помочь и холера косила народъ сотнями тысячъ. Но это въ старину было и быльемъ поросло, а вотъ какой случай произошелъ въ Минской губерніи лѣтъ 40 тому назадъ. Появилась въ одной деревнѣ холера, и крестьяне рѣшили, что это имъ послано за грѣхи и что надо для избавленія деревни закопать живымъ кого-нибудь изъ больныхъ, и закопали одну крестьянку. Холеры конечно не остановили, а закопавшіе были сосланы. Въ томъ же уѣздѣ и тоже не особенно давно, лѣтъ 30 тому назадъ, опять во время холеры хотѣли было зарыть живую, заболѣвшую холерой, которая потомъ выздоровѣла и сама же разсказывала объ этомъ. „Заболѣла я, говоритъ она, холерой и дочка моя тоже. Мужъ лежитъ пьяный и помочь мнѣ некому. Промаялась я ночь, а на другой день приходитъ ко мнѣ бабка и говоритъ: а мужики

то наши хотятъ тебя живую схоронить, такъ ты ужъ приготовься, надѣнь чистое, да умойся, а то не хорошо такъ-то. И хотѣла убирать меня сама. Я не даюсь. Пускай, говорю, если ужъ мнѣ суждено умереть за міръ, то и хоронятъ меня такъ, а убираться не стану. Какъ знаешь, говоритъ, и ушла. Напалъ на меня страхъ. Что-жъ это, думаю, Господи, вѣдь и правда, схоронятъ живую, дай хоть рубашку смѣню. Кой какъ достала чистую рубашку, крещусь, руки трясутся, начала надѣвать да какъ глянула на дочку, такъ во мнѣ все и упало... и я пластомъ свалилась на полъ. А тутъ крестьяне пришли. Сотскій взялъ за ноги, „ничего, говоритъ, можно брать“. У меня и духъ захватило. Спасибо зашелъ кумъ мой, да какъ узналъ, что меня живую хоронить хотятъ, такъ и сталъ мужикамъ мѣшать. „Надо, говоритъ, священнику сказать“, ему отвѣчаютъ: „священникъ, молъ, позволилъ“. „А коли позволилъ, такъ хоронить безъ бумаги нельзя, все равно надо за бумагой въ городъ съѣздить“. Тѣ и ушли, а вечеромъ опять пришли и ужъ совсѣмъ хотѣли меня брать, да я ихъ просить стала, что молода—молъ я еще, пусть кого постарше похоронятъ, кто ужъ свое отжилъ.

Мужики согласились: „Ладно, говорятъ, тебя оставимъ для заводу, а дочку твою похоронимъ, а то перемретъ вся деревня"; а братъ мой, да мужъ давай съ ними драться и прогнали ихъ. Такъ больше и не приходили".

Этотъ случай—такой страшный, что подумать только—волосы станутъ на головѣ дыбомъ. Что должна была пережить несчастная женщина, когда хотѣли схоронить живьемъ сначала ее самое, а потомъ ея маленькую дочку.

И къ какимъ, какимъ только средствамъ не прибѣгаетъ темный деревенскій людъ, чтобы избавиться отъ болѣзни. Есть еще болѣзнь „оспа". Въ прежнее время, когда еще не знали „прививки", оспа считалась хуже холеры. Заразительная, страшная на видъ (все тѣло и лицо покрывается струпьями), она и пугала людей и убивала ихъ цѣлыми тысячами. Люди мерли, какъ мухи, пока не стало извѣстно, что если привить (пустить подъ кожу) коровью оспу, то къ человѣку не пристанетъ эта страшная болѣзнь. Давно уже вездѣ прививаютъ самымъ маленькимъ дѣтямъ коровью оспу, чтобы уберечь ихъ отъ заразы. Однако, кое-гдѣ по деревнямъ до сихъ поръ еще думаютъ что можно обойтись безъ

прививки, а заболѣвшаго человѣка лѣчатъ по своему, а не везутъ къ доктору. Нѣкоторые сибирскіе инородцы такъ лѣчили оспу: наложатъ на лицо кусочки пеньки и зажгутъ, чтобы на кожѣ вышли ямки (рябины). Они думали, что оспа увидитъ готовыя рябины, подумаетъ что все уже сдѣлано и уйдетъ сама. Конечно на лицѣ появлялись раны и только увеличивали страданія больного, оспа не проходила и дѣло почти всегда кончалось смертью.

Не лучше впрочемъ лѣчатъ и теперь болѣзнь живота въ нѣкоторыхъ русскихъ деревняхъ. Знахарь беретъ миску съ водой и пеньку. Пеньку зажигаетъ и обматываетъ ею больного по голому тѣлу, а миску съ водой ставитъ на животъ. Конечно на кожѣ получаются обжоги и знахарь увѣряетъ, что въ этихъ мѣстахъ болѣзнь вышла наружу. Если больной принимается кричать отъ боли, то это объясняютъ дѣйствіемъ нечистой силы, которая-де уходитъ вмѣстѣ съ болѣзнью и напослѣдокъ мучаетъ больного. Потомъ начинаются наговоры на воду, которая налита въ миску, и послѣ наговоровъ даютъ пить эту воду. Вредъ отъ такого лѣченія громадный и если человѣкъ выздоровѣетъ, то потому толь-

ко, что отъ природы здоровъ и выносливъ и безъ этого глупаго лѣченія могъ бы выздоровѣть еще легче.

Особенно любятъ деревенскіе знахари во время болѣзни живота ставить горшокъ, или, какъ говорятъ, накидывать макитру на животъ. На голое тѣло ставятъ блюдечко съ горящей пенькой и накрываютъ сверху пустымъ горшкомъ, отъ чего всѣ внутренности втягиваются въ горшокъ. Такъ оставляютъ иной разъ надолго и тутъ то наживаются всякія серьезныя болѣзни: поврежденія кишокъ, желудка, брюшной преграды и проч. Но подите, увѣрьте темнаго человѣка, что такое лѣченіе вредно. „Такъ, скажетъ, въ прежнее время наши отцы и дѣды лѣчились“. Да вѣдь всякій знающій человѣкъ скажетъ, что прежде не умѣли лѣчить, и такія болѣзни, которыя теперь легко излѣчиваютъ, хоть ту же оспу или дифтеритъ (горловую болѣзнь), прежде считали смертельными. Прежде все приписывали нечистой силѣ, а теперь знаютъ, что болѣзнь можетъ вылѣчить свѣдущій человѣкъ простыми лекарствами безъ всякаго колдовства.

Вотъ въ томъ то и сила, что свѣдущій человѣкъ многое знаетъ и многое можетъ, а

деревенская „темь“ все колдуетъ и ворожитъ себѣ на погибель. Заболѣлъ ребенокъ,—гдѣ бы его скорѣй свезти въ больницу или къ доктору,—такъ нѣтъ, непремѣнно несутъ къ знахарю, или знахаркѣ. И пойдетъ несчастный ребенокъ по всѣмъ мытарствамъ: зимой ли, лѣтомъ ли—все равно—волокутъ его вечеромъ подъ курятникъ, шепчутъ надъ нимъ, прыскаютъ на него водой, кладутъ въ истопленную печь, а то придумаютъ еще что-либо и похуже. Вотъ, напримѣръ, какъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ лѣчутъ дѣтскую сухотку: несутъ ребенка въ лѣсъ и кладутъ его въ развилину раздвоеннаго дерева на двое или на трое сутокъ, а рубашку вѣшаютъ около. Потомъ вынимаютъ его и обносятъ вокругъ дерева двадцать семь разъ. Принеся домой, купаютъ въ водѣ, собранной изъ девяти рѣкъ, или колодцевъ, посыпаютъ золой, собранной изъ семи печей, и кладутъ на печь. Да хоть во ста водахъ купай, а разъ ребенокъ пробылъ въ лѣсу двое-трое сутокъ раздѣтымъ, ему трудно поправиться, да еще купаютъ то холодной водой. Часто ребенокъ тутъ же испускаетъ духъ. Но, конечно, это нисколько не дѣйствуетъ на невольныхъ убійцъ и, за-

болѣй другое дитя, съ нимъ продѣлываютъ тоже самое.

Знахарямъ, колдунамъ вся эта „темь" конечно на руку. Ихъ дарятъ и печенымъ и вареныиъ, да еще деньгами сколько перепадаетъ. А тѣ знай себѣ морочатъ да морочатъ—идетъ ли человѣкъ больной лѣчиться, или ведутъ скотину заболѣвшую—знахарю все на руку. Онъ и со скотины свое возьметъ: гдѣ пошепчетъ, гдѣ поплюетъ, помочь конечно не поможетъ, навредитъ еще, а въ карманъ всетаки что-нибудь да перепадетъ ему, а въ этомъ для него и вся сила. А скотина въ крестьянскомъ хозяйствѣ — первая основа, безъ нея шагу ступить нельзя. Горе большое, какъ одна заболѣетъ, а какъ случится падежъ — прямо всѣ хозяева головы потеряютъ. И опять, первое бы дѣло, за ветеринаромъ. Такъ нѣтъ, давай деревню опахивать, да ворожбой коровью или лошадиную смерть выгонять.

И стыдно и больно становится, какъ представишь себѣ эту картину опахиванія села. Когда дѣло касается колдовства — оказывается и женскій стыдъ ни почемъ. Вотъ какъ обыкновенно происходитъ этотъ дикій суевѣрный обрядъ.

Старая женщина въ одной рубашкѣ, съ распущенными волосами, ѣдетъ верхомъ на помелѣ. Передъ ней рядами идутъ женщины съ вѣниками въ рукахъ, а кругомъ пожилыя дѣвы и бабы съ ухватами бьютъ въ тазы и сковороды и неистово ревутъ на разные голоса. Позади старухи съ зажженными лучинами окружаютъ вдову съ хомутомъ на шеѣ и запряженную въ соху старуху. При этомъ обкуриваютъ разными травами, и такимъ образомъ объѣзжаютъ вокругъ деревни три раза. Надо прибавить, что все это происходитъ ночью при страшномъ трескѣ, звонѣ, воѣ и крикахъ: „бей, руби, рѣжь и проч". Не дай Богъ кому-нибудь попасться на дорогѣ въ это время—смерть неминучая. Собака ли выскочитъ на шумъ или пробѣжитъ кошка—всѣ бросаются за ними и убиваютъ. Да и человѣкъ спасется развѣ только бѣгствомъ, потому что въ это время озвѣрѣлыя бабы не пощадятъ никого, тѣмъ болѣе, что коровья смерть, какъ увѣряютъ, часто принимаетъ видъ знакомаго всѣмъ человѣка, чтобъ только избѣжать уничтоженія.

Этотъ отвратительный обычай сохранился во многихъ мѣстахъ. Представить себѣ только толпу молодыхъ и старыхъ женщинъ, растер-

занныхъ, почти голыхъ, воющихъ и ревущихъ на всѣ лады и все это понапрасну, потому что никакой коровьей смерти нѣтъ и никогда опахиваніе села не избавляло отъ падежа, представить себѣ все это и — невольно, повторяю, станетъ стыдно и больно. Больно отъ того, что темный человѣкъ ходитъ точно съ завязанными глазами, не можетъ себѣ ничего объяснить, вѣритъ въ нечистую силу, болѣетъ, ворожитъ, мретъ отъ знахарей, отъ болѣзней, отъ невѣдѣнія.

Одно только спасенье — свѣту больше, больше знанія.

Кликушество.

Среди всѣхъ болѣзней самой непонятной для крестьянъ является икота или кликушество. Съ самыхъ древнихъ временъ были на свѣтѣ „кликуши“. Такъ называютъ больныхъ, которыя падаютъ на землю и внѣ себя кричатъ — „кличутъ“, какъ говоритъ простонародье.

До сихъ поръ думаютъ по деревнямъ, что болѣзнь эта напущена. „Порченая“ — называютъ кликушу, а между тѣмъ никакой порчи

тутъ нѣтъ, хотя болѣзнь эта и не похожа на другія болѣзни.

Обыкновенно кликуша падаетъ на полъ, корчится и кричитъ на разные голоса. Слышится и человѣческій крикъ, и ревъ звѣриный, и лай собачій. Больную всю ломаетъ, изо рта у ней идетъ пѣна, глаза закатываются и она вся такъ бьется, что нѣсколько здоровыхъ мужиковъ едва могутъ сдержать ее. Часто крикъ напоминаетъ собой икоту и отъ того и болѣзнь самую называютъ также „икотой“.

Трудно лечить кликушъ. Болѣзнь эта упорная, недаромъ ее прежде считали, да и теперь еще считаютъ дьявольскимъ навожденіемъ, недаромъ кликушъ называли, да и теперь называютъ, бѣсноватыми. Въ старину кликушество нерѣдко приводило на пытку и на костеръ больныхъ. Но если вглядѣться поближе, вдуматься отъ чего происходитъ эта болѣзнь, то окажется, что ни о какихъ бѣсахъ тутъ и рѣчи быть не можетъ.

Хотя случается и мужчины заболѣваютъ кликушествомъ или икотой, но чаще всего болятъ женщины, и гораздо больше молодыя, чѣмъ старыя. Рѣдко, рѣдко когда заболѣетъ городская; все больше деревенскія. Оно и

понятно: жизнь въ деревнѣ и жизнь въ городѣ не похожа одна на другую, а кликушество главнымъ образомъ и происходитъ отъ всего обихода деревенскаго, отъ постоянной заботы, не оставляющей человѣка ни на минуту въ покоѣ, отъ тяжелыхъ работъ, отъ того, что эти заботы и работы не даютъ времени, досугу глянуть на тоскующаго человѣка, да приласкать его. Должно быть чудно покажется читать, а вѣдь это такъ, вѣдь кликать начинаютъ именно отъ тоски душевной. Конечно много помогаетъ и тяжелая, не по женскимъ силамъ, работа, но главнымъ образомъ виновата въ этой болѣзни душевная тоска. Женщинамъ въ деревнѣ живется куда хуже мужчинъ и отъ того-то икотой страдаютъ больше женщины.

Выдадутъ молоденькую дѣвушку замужъ и, надо правду сказать, частенько не спросясь ее, а она глядишь любитъ другого. Молчитъ, конечно, да если и скажетъ, такъ ей на это отвѣтятъ, что молъ „стерпится—слюбится". Вотъ и терпитъ пока можетъ, а на душѣ лежитъ тоска и гложетъ, гложетъ, пока у человѣка не начнетъ подступать, какъ говорятъ, боль къ сердцу. А тутъ еще работа непосильная. Кому неизвѣстно, что въ де-

ревнѣ чуть родила баба, ей и вылежаться не дадутъ, — сейчасъ за работу, а это страшно вредно. Баба можетъ разомъ испортиться на всю жизнь. И вотъ на душѣ мука, въ тѣлѣ усталость, и мучится баба, а тамъ глядишь и закликала. Хорошо если попадется мужъ хорошій, а какъ нѣтъ? Вѣдь, что грѣха таить, мало хорошихъ то, жалостливыхъ мужьевъ, вѣдь недаромъ и свадебныя пѣсни зовутся „заплачками". И вотъ что замѣчательно: рѣдко бываютъ кликушами дѣвки и старухи, все больше молодыя женщины. Вѣдь молодой бабѣ достается всего больше. Всякія работы домашнія на нее наваливаютъ, и всѣмъ то она покоряйся, и мужу, и свекру, и свекрови, и деверьямъ, всякій на нее зыкнетъ и никому то она не смѣй перечить. Заскучаетъ баба и молчитъ, сказать не смѣетъ, вотъ и нападетъ тоска, а отъ тоски могутъ приключиться такія болѣзни, которыя и не вылѣчишь потомъ. Въ деревнѣ конечно этого не знаютъ, а между тѣмъ кликушу часто можно вылѣчить лаской, покоемъ, любовью да привѣтомъ.

Подумаешь только, какъ проходитъ вся жизнь деревенской бабы. Работа безпросвѣтная, страхъ передъ мужемъ и передъ всѣмъ домомъ. Вѣдь совсѣмъ не рѣдкость случаи

безчеловѣчнаго обращенія съ женами. Выгнать жену на морозъ или просто „поучить“ ее, какъ называютъ въ деревнѣ побои — плевое дѣло. А то вотъ какой былъ случай въ Малороссіи въ 1880 году: по улицѣ среди бѣлаго дня ѣхалъ мужикъ верхомъ и кричалъ: „Братцы, медвѣдицу ведутъ!“. Сзади тоже верхомъ ѣхалъ другой мужикъ и за шею его лошади была привязана веревкой подъ грудь женщина въ сарафанѣ, съ растрепанными волосами. Верховой ѣхалъ шагомъ по срединѣ улицы по топкой грязи и хлесталъ женщину кнутомъ; а на той вся рубашка была въ клочьяхъ и тѣ висѣли кровавыми лохмотьями. Такъ онъ проѣхалъ три улицы. Это мужъ „училъ“ жену. Сзади шла толпа женщинъ, дѣтей и мужиковъ. Женщины плакали, кричали, даже мужики и тѣ не могли удержаться отъ слезъ, но всетаки никто не хотѣлъ остановить этого звѣря. Какъ же можно, мужъ! Вѣдь даже со скотиной такъ никто не обращается, а съ женой ничего, можно. Жена прямо раба мужчина и вѣчная работница.

Вотъ отъ такой то безпросвѣтной жизни да еще при плохой пищѣ, въ грязи, въ ... хотѣ и тѣснотѣ и начинается кликушест... Корчи, судороги, а въ особенности комо...

который подкатывается подъ сердце, сильно смущаетъ женщину. Съ дѣтства она слышитъ, что въ кликушахъ сидятъ бѣсы, или же напущены колдунами змѣи и жабы въ животъ. На бѣду она и сама чувствуетъ, какъ у ней что то ворочается и давитъ въ груди и въ животѣ. Бѣдной женщинѣ не откуда знать, что это кишки и желудокъ извиваются сами собой отъ ея болѣзни, какъ сама собой подымается рвота, когда человѣкъ объѣлся, и больная думаетъ, что это бѣсы или жабы со змѣями напущены на нее. Вотъ и готовы всѣ страхи: разъ въ ней бѣсы или еще какая нечисть, то какъ же ей идти въ церковь; а разъ пошла, то со страху и отъ ожиданія бѣды съ ней непремѣнно дѣлается припадокъ. Не думай она, что въ ней бѣсы сидятъ—и припадокъ не случится. Болѣзнь конечно безъ лѣченья не пройдетъ, но не будетъ у больной мукъ отъ сознанія, что она одержима бѣсами, а это много значитъ.

Сильно смущаетъ темныхъ людей то, что кликуши въ припадкѣ называютъ лицъ, которыя ихъ испортили. Но тутъ смущаться нечѣмъ. Уже сказано, что съ дѣтства въ деревнѣ всѣ слышатъ, что вотъ испортили того то и того то, и, конечно, какъ заболѣетъ

*2

человѣкъ, такъ и начинаетъ самъ тоже подыскивать, кто его испортилъ. А случится припадокъ и начнетъ кликать больной на того, кто по его мнѣнію, врагъ ему.

Какъ же лѣчить кликушъ? Самое вѣрное средство — это ласка, покой и любовь. Больная перестанетъ тосковать и болѣзнь со всѣми припадками пройдетъ сама собой. Всякія отчитыванія и наговоры иной разъ дѣйствуютъ потому только, что успокоиваютъ тоскующую душу, а вмѣстѣ съ покоемъ является и здоровье.

Чары и наговоры.

Думаютъ, что сила колдуновъ заключается въ ихъ наговорахъ. Что же это за колдунъ, если онъ лѣчитъ одними травами безъ нашептыванія? Обыкновенно эти нашептыванія и составляютъ обманъ и если есть въ чемъ сила, такъ это въ иныхъ травахъ, которыя даются для лѣченія. Кажется нѣтъ такой болѣзни, которую не приписывали бы чарамъ. Особенно непонятной кажется деревенской темнотѣ болѣзнь человѣка, который просто слабѣетъ и чахнетъ. Ни на что онъ не жа-

луется, а сохнетъ да сохнетъ. Чаще всего это бываетъ у людей старыхъ и называется старческимъ безсиліемъ, болѣзнь эта хорошо извѣстна докторамъ. Крестьяне же думаютъ, что это кто-нибудь „вынулъ слѣдъ“ у человѣка, отъ того человѣкъ и зачахъ. Этого колдовства особенно боятся и считаютъ его страшно-вреднымъ. Вынимаютъ слѣдъ такимъ образомъ: замѣтилъ, положимъ, кто-нибудь отпечатокъ ноги на землѣ и сейчасъ же зоветъ колдуна. Тотъ подрѣзаетъ этотъ отпечатокъ ножемъ и снимаетъ его съ земли. Вотъ вамъ и все, — дѣло сдѣлано и человѣкъ начнетъ сохнуть. Но неизвѣстно темному человѣку, что сохнутъ отъ болѣзни, а не отъ порчи на слѣдъ, и боятся этой порчи крестьяне совершенно напрасно.

Много всякихъ чаръ и наговоровъ, всѣхъ не перечесть. Нѣкоторые особенно кажутся простыми всякому человѣку, кромѣ суевѣровъ. Напримѣръ, такъ называемые заломы и закрутки. Среди поля съ несжатымъ хлѣбомъ вдругъ появляется узелъ изъ колосьевъ. Дѣло простое: либо вѣтеръ спуталъ, либо кто-нибудь, желая насолить хозяину, завернулъ и завязалъ колосья. Можетъ самъ же деревенскій знахарь устроилъ заломъ, а хозяинъ

поля сейчасъ же начнетъ со страху метаться въ разныя стороны. Какъ же! Вѣдь того хлѣба, гдѣ появилась закрутка, ѣсть нельзя и продавать его нельзя, а то въ домѣ будетъ какое-нибудь несчастіе. И вотъ зовутъ знахаря. Этотъ начинаетъ шептать, вырываетъ заломъ и все готово. Подумаешь до чего люди могутъ доходить. Вѣдь каждый также легко можетъ вырвать закрутку самъ, если она ему мѣшаетъ, да по настоящему и рвать то ее не надо, пускай себѣ остается, никакой бѣды отъ этого не будетъ—колосъ колосомъ такъ и останется.

Вообще всякимъ закруткамъ и узламъ простой народъ приписываетъ какую то особую силу. Полагаютъ, что узелъ изъ тесьмы съ наговоромъ или „наузъ" можетъ охранить отъ бѣды и потому такіе узлы въ старину были въ большомъ ходу. И теперь этими наузами стараются охранить и отъ болѣзни и отъ лихого человѣка, хотя каждому могло бы броситься въ глаза, что нечего ждать ни добра, ни худа отъ веревки, на которой напутаны узлы.

Для того, чтобы успѣшнѣй дѣйствовали всякіе наговоры, собираютъ *особыя* травы. Травамъ этимъ тоже нѣтъ числа, но нѣкоторыя особенно излюблены колдунами и колдуньями. Многихъ травъ и совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ, а онѣ существуютъ только въ розсказняхъ знахарей, какъ напримѣръ „разрывъ-трава". Говорятъ, что если эту траву приложить ко всякимъ затворамъ и замкамъ, то всѣ замки разлетятся въ дребезги и затворы сами собой отворятся. Конечно, такой травы никто не видалъ никогда, какъ не видалъ никто и цвѣта папоротника, потому что папоротникъ совсѣмъ не цвѣтетъ. Въ простонародьи упорно вѣрятъ, что папоротникъ цвѣтетъ разъ въ году, ночью на Ивана-Купала. Цвѣтокъ, говорятъ, совсѣмъ огненный, и чтобы его сорвать, надо набраться большой храбрости, такъ какъ кругомъ начинаются всякія запугиванія со стороны нечистой силы. Разумѣется эти запугиванія нисколько не помѣшали бы, потому что смѣлые люди есть, и цвѣтокъ этотъ ходилъ бы по рукамъ, если бы онъ былъ вообще на бѣломъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что при помощи этого цвѣтка, говорятъ, можно доставать клады. Однако ни одинъ человѣкъ не покажетъ такого чудеснаго цвѣтка, а розсказнямъ вѣрить нечего. И много такихъ чудесныхъ травъ, которыхъ либо совсѣмъ нѣтъ, либо это самыя обыкно-

венныя травы. „Плакунъ-трава“, „не чуй-вѣтеръ“,—все это выдумки,—такихъ травъ и нѣтъ совсѣмъ. Хоть бы та же „не чуй-вѣтеръ“. Про нее разсказываютъ, что она растетъ на берегахъ рѣкъ и озеръ зимою и дается въ руки только слѣпому человѣку. Ну кто же когда видалъ, что зимой растетъ гдѣ-нибудь трава? Отъ того и придумали, что добыть ее можетъ только слѣпой человѣкъ и что никакой, молъ, зрячій ничего не увидитъ. Но только стоитъ хоть немного подумать надъ этой басней и будетъ видно, что это или обманъ или невѣдѣніе. Вѣдь такъ понятно, что если зрячему не найти зимой на берегу озера рѣдкую траву, то гдѣ же это сдѣлать слѣпому.

Всѣ эти чары, если подумать надъ ними, да поискать разгадки, окажутся самой простой вещью. Возьмемъ хоть чары на гибель домашнимъ животнымъ. Есть чары на лошадь такого рода: когда кто желаетъ сдѣлать лошадь больной ногами, то пусть надергаетъ гвоздей изъ гроба и разбросаетъ ихъ по конюшнѣ. Такъ говорятъ колдуны. Но зачѣмъ же изъ гроба, гораздо проще набрать какихъ угодно гвоздей и разбросать ихъ на полу въ конюшнѣ. Лошадь легко можетъ наколоть

себѣ ногу и заболѣетъ. Не надо здѣсь никакого колдовства и никакихъ гробовъ. Все это можетъ сдѣлать и безъ колдуна каждый злой человѣкъ. Но чтобы эта простая продѣлка показалась чудесной, обманщики придумали еще гробъ: гвозди, молъ, надо надергать оттуда, гдѣ лежалъ мертвецъ.

Вообще въ крестьянскомъ быту много суевѣрій на счетъ мертваго тѣла человѣка. Полагаютъ, что если добыть руку мертвеца, то можно свободно воровать и забираться куда угодно. Такіе же розсказни ходятъ и про сало человѣческое: стоитъ, молъ, сдѣлать свѣчу изъ человѣческаго сала и зажечь ее, то и можно идти куда угодно и дѣлать что хочешь, никто ничего не замѣтитъ и ничего тебѣ не сдѣлаетъ. У всѣхъ въ памяти случай, происшедшій въ прошломъ году, когда одинъ малый убилъ маленькаго мальчугана, вырѣзалъ у него сальникъ и сталъ дѣлать свѣчу. Вотъ до какихъ ужасовъ доводитъ невѣжество и суевѣріе.

По мнѣнію крестьянъ, много дѣлъ можно обдѣлать при помощи чаръ. Ужъ на что кладъ такая штука, съ которой не легко справиться, и то съ наговоромъ возьмешь его, когда захочешь. Клады или, по просту говоря, гдѣ

нибудь запрятанныя деньги или цѣнныя вещи непремѣнно, по словамъ темнаго люда, охраняются нечистой силой. Стоитъ кому-нибудь попробовать добраться до нихъ, какъ сейчасъ же начнутся всякіе страхи и ужасы, нагоняемые нечистой силой. Послышатся разные голоса, появятся со всѣхъ сторонъ огни, бѣсовскія рожи и мало ли еще что. Нечего и говорить про то, какая это неправда. Во всякой деревнѣ есть хоть одинъ человѣкъ, который слышалъ, что иногда находятъ деньги и всякія вещи при постройкѣ домовъ и при выкапываніи колодцевъ и канавъ. И никакихъ при этомъ ужасовъ не бываетъ.

Часто приходится за свою жадность, за свою любовь къ кладамъ платиться невѣжественнымъ людямъ. Есть много всякихъ обманщиковъ, которые ловятъ на удочку суевѣрныхъ людей. Въ прошломъ году появилась въ Кіевской губерніи цыганка, которая выдавала себя за колдунью и увѣряла, что она всегда можетъ вызвать черта, а тотъ, молъ, укажетъ гдѣ зарытъ кладъ. Одна баба пожелала при помощи этого черта сдѣлаться богатой, и ночью, дрожа отъ страха, отправилась за цыганкой въ коноплянники. Тамъ колдунья-цыганка стала переговариваться съ чертомъ

(за черта сошелъ мужъ цыганки, который потихоньку пролѣзъ въ огородъ раньше). Поговоривъ обманщица вдругъ объявляетъ бабѣ, что надо на то мѣсто положить 100 рублей, если, молъ, чертъ оставилъ какой нибудь значекъ. На утро находятъ старый серебряный рубль и баба совершенно увѣрилась, что тамъ зарытъ кладъ. Отправилась къ роднымъ, собрала кое какъ сто рублей и положила на приманку въ коноплянникахъ. Деньги, конечно, цыгане забрали, а бабѣ наговорили, что надо достать какъ можно больше огарковъ изъ всѣхъ Кіевскихъ пещеръ и ужъ съ этими огарками добывать кладъ. Баба отправилась за огарками, а цыганъ и слѣдъ простылъ.

Одно дѣло колдовство умышленное, а то еще полагаютъ и неумышленно можетъ человѣкъ причинить зло. Просто глазъ дурной. Думаютъ, что глаза человѣка, особенно черные, могутъ причинить порчу. Стоитъ кому нибудь внимательно поглядѣть на ребенка, какъ мать тревожно загораживаетъ его, а если еще при этомъ похвалятъ дитя, то тутъ ужъ просто бѣда: начнутся всякія опасенія, что сглазятъ, испортятъ и чтобы отвратить это несчастіе, говорятъ, надо плюнуть въ сторону. Вотъ какъ просто можно предохранить

отъ этой порчи. Такой пустякъ какъ плевокъ дѣлаетъ „сглазъ“ безвреднымъ. Надо думать, что и самый „сглазъ“ тоже пустякъ не больше плевка.

Всмотритесь въ чары, прислушайтесь къ наговорамъ и увидите, что это или обманъ, или очень легко объяснимая вещь, которая только по невѣдѣнію можетъ казаться чудесной и таинственной.

Великія явленія природы и суевѣріе.

Съ давнихъ поръ человѣкъ старается узнать, откуда все то, что вокругъ него происходитъ. Откуда громъ и молнія, откуда вѣтеръ, солнце, морозъ и тепло. Въ старину, когда люди поклонялись идоламъ, все происходившее считалось дѣломъ нечистой силы, или же волей добраго духа. Каждому явленію приписывали особаго бога. Были, по ихъ мнѣнію, боги вѣтра, богъ солнца, луны, боги дождя, грома и молніи. Лѣса, поля и рѣки тоже имѣли своихъ боговъ. Прошло время язычества, люди стали христіанами, но по прежнему вѣрятъ, что и вѣтеръ, и громъ, и молнія происходятъ или отъ доброй, или отъ злой силы.

Начинается, положимъ, гроза, и темный человѣкъ рѣшаетъ, что это Илья пророкъ ѣздитъ по небу на желѣзной колесницѣ и во всѣ стороны сыпетъ молніи. Какъ въ старину еще, въ языческія времена, думали, что это богъ грома и молніи разсердился и убиваетъ людей, такъ и теперь думаютъ, только, ставши христіанами, языческаго бога замѣнили пророкомъ Ильей. Какъ въ старину думали, что вѣтеръ—богъ, котораго можно заговаривать, такъ и теперь вѣтеръ считаютъ силой злого или добраго духа, котораго можно заговорить и сдѣлать безвреднымъ, или даже полезнымъ. Причемъ эти заговоры, какъ и всѣ въ большинствѣ случаевъ смѣхотворно-глупы. Вотъ напримѣръ, какъ жители сѣвернаго края стараются сдѣлать вѣтеръ попутнымъ. Всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и начинаютъ припоминать имена двадцати семи плѣшивыхъ изъ одной деревни или волости. При каждомъ имени плѣшиваго дѣлаютъ на лучинкѣ насѣчку и когда всѣ 27 плѣшивыхъ насчитаны, то бѣгутъ на задворки и кидаютъ лучину черезъ голову, приговаривая всякія мольбы попутному вѣтру. Куда лучинка упадетъ, оттуда значитъ и вѣтеръ будетъ. Бываетъ, что лучинка показываетъ такой

вѣтеръ, который не нуженъ теперь, тогда начинаютъ заклинанье снова. Случается, что не помогаетъ заговоръ съ лучиной, тогда начинаютъ ворожбу съ таракановъ. Кто нибудь сажаетъ таракана себѣ на щеку и пускаетъ его на воду, говоря: „поди тараканъ на воду и подними вѣтеръ съ такой то стороны“. Тараканъ начинаетъ барахтаться въ водѣ и конечно тонетъ, а вѣтеръ дуетъ понятно не по тараканьему велѣнью.

Заговаривать погоду всегда есть охотники. Вѣдь и погода, особенно дурная, считалась еще въ старину дѣломъ нечистой силы. Думали, да и до сихъ поръ еще думаютъ, что морозъ производятъ бѣсы, которые бѣгаютъ по полю и дуютъ въ кулакъ. Отъ этого дутья поднимается вѣтеръ, а отъ хлопанья бѣсовскихъ пятокъ слышится обыкновенно трескъ. Вотъ для отвращенія мороза и производятъ слѣдующее заклинанье: варятъ овсяный кисель и глава семейства беретъ ложку киселя, лѣзетъ на печь и тамъ, просунувъ голову въ волоковое окошко, упрашиваетъ морозъ не бить овса и другихъ хлѣбовъ. Правду говоря, морозъ не обращаетъ вниманія ни на кисель, ни на что, и только даромъ продѣлывается вся

эта глупость, такъ какъ погода ни отъ какихъ бѣсовъ не зависитъ.

Особенно смущаетъ суевѣрныхъ людей небо съ его свѣтилами: солнцемъ, луной и звѣздами. Иной разъ появляется на небѣ звѣзда съ большимъ хвостомъ, который часто раскидывается поперекъ всего небосвода. Такая звѣзда называется кометой и нагоняетъ суевѣрный страхъ, предвѣщая, по увѣренію темнаго люда, какую нибудь общую бѣду: моръ, голодъ, войну или еще что нибудь подобное. Темнымъ людямъ конечно неизвѣстно, что ученые могутъ точно исчислить сколько времени такая комета продержится на небѣ, была ли она когда нибудь раньше и черезъ сколько времени покажется опять, а стало быть ничего тутъ нѣтъ неизвѣстнаго и никакихъ страшныхъ бѣдствій комета не предвѣщаетъ.

Часто видно какъ падаютъ звѣзды. Въ это время думаютъ несвѣдущіе люди, что кто нибудь умираетъ на землѣ и его душа катится по небу, или же если такая звѣзда очень велика и близко пронесется надъ землей,—что это дьяволъ приноситъ колдунамъ деньги. Надо сказать, что звѣзды никогда не падаютъ, а есть небольшіе раскаленные шары, которые

летаютъ около земли и походятъ на падающія звѣзды. Ученые знаютъ и загодя могутъ сказать въ какую ночь такихъ шаровъ пролетитъ больше всего. Особенно много ихъ летаетъ два раза въ годъ: лѣтомъ и осенью Разъ людямъ извѣстно когда они появляются, то ужъ конечно ни о какихъ душахъ умершихъ и ни о какихъ дьяволахъ не можетъ быть и рѣчи.

Самое крупное небесное свѣтило послѣ солнца — луна и на счетъ ея существуетъ цѣлая масса суевѣрій. Новой лунѣ показываютъ деньги старается увидать ее съ правой стороны, чтобы цѣлый мѣсяцъ прошелъ счастливо. Конечно бѣднякъ сколько кому или чему ни показывай деньги — все равно ихъ не будетъ и никакая луна тутъ не поможетъ. Вообще для улучшенія своей жизни напрасно обращаться за помощью къ ворожбѣ и колдовству; ни луна, ни звѣзды ничему не помогутъ, если самъ плохъ.

Наше дневное свѣтило — солнце, жизнь и радость всего живущаго на землѣ, съ давнихъ поръ обращаетъ на себя общее вниманіе. Въ стародавнія времена люди считали его богомъ и съ большимъ страхомъ слѣдили за всѣмъ, что дѣлается съ солнцемъ. А бы-

ваетъ иной разъ, хотя не часто, что солнце вдругъ померкнетъ и среди яркаго дня разомъ наступитъ темная ночь. Называется это солнечнымъ затменіемъ и еще загодя, за много лѣтъ ученые могутъ сказать въ какомъ мѣстѣ, въ какой день, часъ, минуту и даже секунду такое затменіе начнется, сколько времени оно продолжится и закроется ли все солнце или только часть его. Кажется ничего нѣтъ въ этомъ явленіи страшнаго и неизвѣстнаго, разъ люди знаютъ о немъ все. Но простой народъ всетаки боится затменія. Говорятъ, что начнется страшный судъ, свѣтопредставленіе, что солнце закроется и больше не покажется. Конечно темнота продолжается только нѣсколько минутъ и затѣмъ опять все становится яснымъ, но въ эти нѣсколько минутъ темные люди натерпятся смертельнаго страха. Вотъ какъ въ одномъ мѣстѣ ждали свѣтопредставленія и пришествія антихриста на землю. „Какъ только затемнѣло, говоритъ разсказщикъ, баба стряпуха въ дворовой избѣ взяла да ухватомъ всѣ горшки и перебила въ печи: „кому теперь ѣсть, говоритъ, наступило свѣтопреставленіе“. Такъ щти и потекли. А у насъ на деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по

землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку увидятъ.

— Какого это Тришку? — спрашиваютъ его.

— А ты не знаешь?—съ жаромъ подхватилъ одинъ изъ присутствовавшихъ, — ну, братъ, откентелева-же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у васъ въ деревни сидятъ, вотъ ужъ точно сидни. Тришка—это будетъ такой человѣкъ удивительный, который придетъ, а придетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять хрестьяне: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ—такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадятъ, напримѣръ, — онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещится—онѣ съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ христіанскій... ну, а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего... Ужъ такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да, — продолжалъ разсказчикъ неторопливымъ голосомъ: — такой. Вотъ его то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное начнется, такъ Тришка и придетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ — вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная. . всѣ какъ крикнутъ: „ой, Тришка идетъ, ой, Тришка идетъ", да кто куда. Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою же дворовую собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофеичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: „авось, молъ, хоть птицу то врагъ, душегубецъ, пожалѣетъ". Таково всѣ переполошились... А человѣкъ то это шелъ нашъ бочаръ, Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ".

Какъ просто объясняются иной разъ всякіе

страхи и мудреныя на первый взглядъ вещи. Если бы не было вѣры въ ворожбу, въ колдовство, то многое объяснялось бы темнымъ человѣкомъ просто и понятно. Теперь если чего не поймутъ, то валятъ все на нечистую силу, а если бы не было вѣры ни въ домовыхъ, ни въ русалокъ, ни въ вѣдьмъ, то подумалъ бы человѣкъ, да и нашелъ бы какое-нибудь простое объясненіе непонятной вещи.

Вотъ напримѣръ какъ просто объяснить почему многіе узнаютъ погоду по солнцу, лунѣ и вѣтру. Солнце и при закатѣ и при восходѣ можетъ быть разнаго цвѣта, смотря по тому какой воздухъ: сырой или сухой и съ какой стороны дуетъ вѣтеръ. Люди, умѣющіе замѣчать, что кругомъ дѣлается, особенно старики, которые много видѣли и замѣчали на своемъ вѣку, иной разъ хорошо узнаютъ погоду. Но въ этомъ ничего нѣтъ чудеснаго, такъ какъ погода вся зависитъ отъ вѣтра, отъ солнца, отъ облаковъ, а это все простыя явленія и всякій можетъ ихъ и видѣть и чувствовать.

Нечистая сила въ домахъ, въ полѣ, въ лѣсу и въ водѣ.

Остатки прежнихъ вѣрованій крѣпко засѣли въ человѣкѣ. Выше было сказано, что въ старину люди всякое мѣсто считали обителью какого нибудь духа: въ домѣ былъ свой духъ-домовой, въ полѣ и въ лѣсу опять свой духъ-лѣшій и въ водѣ тоже есть духи-водяные. До сихъ поръ еще на сѣверѣ Россіи живутъ языческіе народы, которые сами себѣ надѣлаютъ изъ дерева или кости божковъ и считаютъ ихъ охранителями дома—домовыми. Божковъ этихъ они задабриваютъ всячески, кормятъ ихъ, то есть мажутъ имъ рыльца саломъ и рыбой, и если это не помогаетъ и въ домѣ случается несчастіе, то божковъ, какъ виновныхъ, нещадно порятъ розгами. Почти та же темнота до сихъ поръ и въ русской деревнѣ. Каждый крестьянинъ увѣренъ, что у него есть въ избѣ домовой, который если любитъ хозяина и его домашнихъ, то всячески помогаетъ дому: бережетъ имущество, холитъ и нѣжитъ скотину и вообще заботится обо всемъ. И вотъ стараются задобрить домового, никогда

не произносятъ его имени, а все величаютъ хозяиномъ, дѣдушкой, или просто говорятъ „самъ". Если перебираются на другое мѣсто, то кланяются во всѣ углы пустой избы и просятъ домового пожаловать на новое мѣсто, на вольное житье, на богачество. Случается, что вдругъ домовой не взлюбитъ кого либо, и вотъ когда начинаются съ его стороны всякія преслѣдованія. Заснетъ человѣкъ, „самъ" навалится на него и давай „душить". Особенно, говорятъ, любитъ мучить тѣхъ, кто спитъ на спинѣ. Дѣло объясняется очень просто: когда кто лежитъ на спинѣ, то дѣлаются приливы крови къ затылку и всякіе тяжелые сны не даютъ спать. Но подите, увѣрьте темнаго человѣка, что это не домовой виноватъ, а кровь. „А какъ же, скажетъ, у меня въ избѣ во время вѣтра вой стоитъ—это „хозяинъ воетъ". И тутъ, если поискать, почти всегда можно найти простое объясненіе. Всегда какая нибудь незамѣтная трещина окажется, или въ трубѣ заслонка неплотно приходится. А то бываетъ и такъ, что плотники при постройкѣ дома подшутятъ. Всѣмъ извѣстны случаи, когда въ избахъ отъ воя житья не было: чуть маленькій вѣтерокъ и поднимается въ хатѣ такой вой и ревъ, что хоть бѣги вонъ. И когда не

помогали ни ворожба, ни молебны, то разбирали стѣну и находили тамъ запрятанной пустую бутылку. Оказывается, плотники сунули ее туда, желая насолить за что нибудь хозяину, и вѣтеръ черезъ оставленное въ стѣнѣ маленькое отверстіе, проходя въ бутылку, производилъ весь этотъ вой. Такое же простое объясненіе можно найти, если присмотрѣться ко всему. Сильно смущаетъ крестьянъ, домовой тѣмъ, что, какъ говорятъ, шалитъ по ночамъ въ конюшняхъ. Часто ночью слышно, какъ лошади бьются въ стойлахъ и если войти въ это время, то стоятъ испуганныя и всѣ въ поту. Обыкновенно полагаютъ, что это домовой ѣздитъ на нихъ по ночамъ и замучиваетъ ихъ до поту. Но одинъ крестьянинъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, подглядѣть этого домового и вотъ что онъ увидѣлъ: маленькій звѣрокъ, небольше крысы, бѣгалъ по лошадямъ, катался въ гривѣ и путалъ ее въ узелъ. Лошади страшно бились и храпѣли, потому что лапки этого звѣрка щекотали кожу, особенно подъ брюхомъ и на спинѣ. Крестьянинъ рѣшился поймать этого маленькаго домового и когда это удалось, то домовой оказался просто на просто „лаской". Это небольшой звѣрокъ, длинненькій, ловкій и смѣлый.

Онъ очень любитъ играть и путаться въ лошадиной гривѣ и можетъ иной разъ такъ разыграться, что совсѣмъ измучаетъ лошадь и та, не зная куда ей дѣться, забивается подъ ясли. Многіе и не знаютъ даже, что у нихъ въ конюшнѣ подъ поломъ живетъ такой безпокойный звѣрокъ. А къ тому же у страха глаза велики и простую тѣнь или еще что нибудь ночью принимаютъ за домового.

Ночью все кажстся не такимъ простымъ темному да еще боязливому человѣку. Зайдетъ ли онъ въ лѣсъ, очутится ли одинъ въ полѣ или попадетъ на берегъ рѣки, всюду ему кажется нечистая сила. Не дай Богъ еще собьется съ дороги и пойдетъ вздрагивать при малѣйшемъ шорохѣ — „лѣшій, молъ, водитъ". Въ лѣсу ночью и смѣлаго человѣка возьметъ оторопь съ непривычки: то огонекъ мелькнетъ, то хохотъ какой то раздастся. Если разобрать хорошенько, то огонекъ, окажется, мелькаетъ отъ волчьихъ глазъ, а хохотъ—тоже вещь очень простая. Есть ночная птица—филиномъ называется. Полетъ у ней тихій и мало его кто замѣчаетъ, а голосъ такой чудной, что если услыхать въ первый разъ, то ни за что не повѣришь, что это кричитъ птица. А тамъ какой нибудь пень, или кустъ, или

дерево покажется Богъ знаетъ чѣмъ. Глядишь, пришелъ человѣкъ домой, выбравшись кой какъ изъ лѣсу, и начнетъ городить, какъ его лѣшій водилъ, какъ сверкалъ огнемъ, да хохоталъ надъ ухомъ. И лѣшаго то, скажетъ, видѣлъ самого: большой, да темный, а разобрать, молъ, ничего нельзя.

Попалъ человѣкъ въ лѣсъ и не одного только лѣшаго боится, говорятъ, есть еще русалки, которыя грѣются при свѣтѣ мѣсяца и качаются на вѣтвяхъ. Попадись человѣкъ въ руки такимъ русалкамъ—защекочутъ до смерти. И вотъ, оказывается, какъ просто отъ нихъ избавиться. Надо только имѣть при себѣ полынь. Русалка будто бы не любитъ полыни и бѣжитъ отъ нея. И всегда то въ этихъ суевѣрныхъ обрядахъ духъ оказывается совсѣмъ слабымъ передъ человѣкомъ. Чего же тогда бояться духовъ, разъ такъ легко съ ними сладить. Какъ только, говорятъ, встрѣтится съ тобой русалка и спроситъ: „что у тебя?" скажи—„полынь" и она крикнетъ — „полѣзай подъ тынъ" (плетень) и побѣжитъ дальше. А если отвѣтишь ей, что у тебя петрушка, она скажетъ: „ахъ, ты моя душка!", и начнетъ щекотать. Почему полѣзай подъ тынъ, а не на тынъ или еще куда—и сами колдуны не

знаютъ, а просто въ своихъ шарлатанскихъ наговорахъ подбираютъ складныя слова: полынь-тынъ, петрушка-душка, можно бы еще приплести кадушка, подушка, да мало ли еще чего понабрать. Такъ и составляются всякія заклинанія—понавертѣлъ какихъ попало словъ, лишь бы складно было, вотъ тебѣ заклинанье и готово. А разъ отъ такого заклинанья убѣжитъ и русалка и всякій духъ, то можно себѣ легко представить, что всѣ эти духи существуютъ только въ головѣ темнаго, да трусливаго человѣка.

Много ли найдется въ деревнѣ такихъ людей, которые ночью пойдутъ на кладбище? Навѣрно нѣтъ. Говорятъ, что по ночамъ и вурдалаки бѣгаютъ по кладбищу и огоньки мелькаютъ на могилкахъ и всякіе страхи мерещатся смѣлому человѣку, разъ онъ забрался туда въ неурочный часъ. Правда, огоньки мелькаютъ, но иной разъ это просто глаза волка, или лисицы, а иной разъ дѣйствительный огонекъ. Но этотъ огонекъ не имѣетъ ничего чудеснаго: это происходитъ отъ гніенія труповъ, особенно костей, и такой огонекъ также легко объясняется, какъ и огонекъ лучинки или свѣчи. Часто и надъ болотами видны огоньки, опять таки не представляющіе

ничего страшнаго. Это особыя испаренія, которыя легко на воздухѣ загараются. Вѣдь на днѣ болота лежитъ много и растеній разныхъ и животныхъ - все это гніетъ и испускаетъ всякія испаренія, а такія испаренія горятъ на воздухѣ.

Вурдалаки, или оборотни, особенно пугаютъ деревенскій людъ. Эти оборотни, по увѣренію суевѣровъ, или сами колдуны и колдуньи, обратившіеся въ звѣрей, или же какіе нибудь несчастные, которыхъ эти колдуны силой своихъ чаръ обратили въ волковъ, медвѣдей и тому подобныхъ животныхъ. Называютъ ихъ еще упырями и думаютъ, что они бѣгаютъ по ночамъ и нападаютъ на людей. Особенно часто заходятъ на кладбище, гдѣ вырываютъ трупы людей и пожираютъ ихъ, а избавиться при встрѣчѣ съ ними можно только съѣвши могильной земли. Словомъ всякіе страхи мерещатся суевѣрному человѣку и не мало смѣшныхъ случаевъ бываетъ отъ этихъ страховъ. Вотъ какъ описана встрѣча одного парня съ вурдалакомъ:

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный;
Разъ онъ позднею порой,

Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.

***

Бѣдный Ваня еле дышетъ,
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ, вдругъ онъ слышитъ:
Кто то кость, ворча, грызетъ.

***

Ваня сталъ, шагнуть не можетъ;
Боже, думаетъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый вурдалакъ.

***

Горе, малый я не сильный,
Съѣстъ упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ.

***

Что же? вмѣсто вурдалака
(Вы представьте Вани злость)
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

Вотъ вамъ и вурдалакъ. Не разгляди трусоватый парен собаки, а убѣги разомъ—и пошелъ бы говоръ по деревнѣ: „Ванюшка-то нашъ, съ вурдалакомъ встрѣтился, да на силу

убѣжалъ“. Глядишь, повѣрилъ и такой человѣкъ, который можетъ и слышать не хочетъ про эти басни. Какъ же, Ванюшка, весь блѣдный, разсказываетъ, что самъ, своими глазами видѣлъ и своими ушами слышалъ вурдалака. Какъ тутъ не повѣрить?

Вѣрятъ и тому, что вся вода населена водяными бѣсами и русалками. Нѣтъ будто такой рѣки, такого озера или пруда, гдѣ бы не было своихъ духовъ. И все это враждуетъ съ человѣкомъ, все это старается ему повредить. Утонулъ кто-нибудь—русалки затянули. Особенно считаютъ опаснымъ мѣстомъ омутъ. Правда, эти мѣста опасны, но совсѣмъ не потому, что тамъ живутъ русалки и водяные, а потому, что такія мѣста глубоки и въ нихъ дѣйствительно легко утонуть. Дѣдушка-водяной очень любитъ, по словамъ разныхъ досужихъ людей, мельницы, и всякій мельникъ, чтобы жить съ нимъ въ ладу, старается всячески его ублаготворять и относиться къ самому имени водяного съ большимъ уваженіемъ. Но и тутъ розсказни трусливыхъ людей значатъ очень много. Припомнимъ, какъ одинъ мельникъ, надѣвъ на голову вершу, испугалъ до смерти молодого парня и прослылъ колдуномъ. Такъ и во всемъ. Всѣ эти домовые,

лѣшіе, водяные и русалки существуютъ только въ розсказняхъ суевѣрныхъ людей. Остались эти повѣрья еще отъ прежнихъ временъ, когда за всякимъ кустомъ считали по духу и держатся до сихъ поръ потому только, что трусость и темнота несвѣдущихъ людей передаетъ ихъ отъ одного къ другому, отъ отцовъ къ дѣтямъ. Какъ только станетъ больше знанія, такъ пропадетъ сама собой вѣра во всякую „нечисть“—въ этихъ вѣдьмъ, русалокъ и проч., а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ и колдуны съ ихъ чарами и наговорами. Оттого то всѣ эти знахари и поддерживаютъ вѣру въ нечистую силу и въ свои сношенія съ ней.

Примѣты и повѣрья.

Всякому человѣку есть о чемъ позаботиться. Одному меньше, другому, особенно бѣдному, больше. Надо заботиться о пропитаніи, надо выкормить, выростить и выучить дѣтей... да мало-ли есть о чемъ подумать. Всякій старается, по мѣрѣ силъ, избѣжать той или другой житейской невзгоды. Но мало такихъ заботъ, люди точно сами ищутъ чѣмъ бы спутать свою жизнь. Существуетъ цѣлая масса примѣтъ. Примѣты эти до того охватили жизнь

людей (конечно простыхъ и темныхъ), что нельзя шагу ступить, чтобы не наткнуться на примѣту. Жизнь, и безъ того тяжелая, дѣлается еще тяжелѣй оттого, что человѣкъ вѣчно долженъ ходить съ оглядкой, выбирать что надо сдѣлать и когда начать, чтобы задуманное дѣло удалось. Говорятъ, напримѣръ, что въ понедѣльникъ нельзя ни къ чему приступать—неудача будетъ, понедѣльникъ день тяжелый. Спросите у кого нибудь почему этотъ день тяжелъ. Вамъ скажутъ: такъ ужъ давно считается. Правда, въ старину, еще въ языческое время, по понедѣльникамъ князья судили провинившихся и тутъ же наказывали. Тогда можетъ быть въ этотъ день и было тяжело тѣмъ, кто натворилъ чего нибудь, а почему же теперь всѣмъ думать, что этотъ день тяжелъ и бояться его. Но, положимъ, дѣло начато. Человѣкъ вышелъ изъ дому. Возвратиться за чѣмъ нибудь съ полдороги нельзя, говорятъ, неудача будетъ. Если и забылъ что, иди дальше, а не ворочайся. Пошелъ и на дорогѣ встрѣтился съ зайцемъ, священникомъ, съ бабой — опять бѣда. Тутъ, наоборотъ, надо вернуться, такъ какъ все равно дѣло не удастся. Наконецъ добрался до дому. И тутъ берегись, чтобы не забыть какой нибудь при-

мѣты. Нельзя здороваться черезъ порогъ — поссоришься съ тѣмъ, съ кѣмъ поздоровался. И такъ кругомъ, куда не оглянись—всюду примѣта: встанешь съ постели —становись правой ногой, а станешь лѣвой—бѣда. Сѣлъ обѣдать, —не просыпь соль—ссора будетъ. Спать ложишься—разувайся съ правой ноги, а не съ лѣвой. И все-то примѣчай, за всѣмъ гляди, ко всему прислушивайся. Въ ухѣ звенитъ—спрашивай скорѣй кого нибудь, въ какомъ ухѣ звонъ. Отгадаетъ спрошенный — исполнится твое желаніе, не отгадаетъ — не исполнится. Глаза чешутся—плакать, кончикъ носа--водку пить, переносица—слышать о покойникѣ, губы чешутся—цѣловаться, ладонь правая чешется—деньги получать, лѣвая—отдавать, или наоборотъ. Икать начнетъ человѣкъ и давай соображать: „кто это меня поминаетъ?“ „Свинья за угломъ“—любятъ отвѣчать присутствующіе. Да иного отвѣта такой неразумный вопросъ и не заслуживаетъ.

Этого мало. Чуть не всѣ животныя входятъ въ примѣты. Особенно не любятъ суевѣрные люди воя собакъ. Холодно собакѣ, или волка чуетъ—вотъ она и завыла, а тутъ страхъ нападаетъ на людей: „завыла собака —къ худу“. Да еще смотрятъ, куда повернула морду: къ

верху—къ пожару, къ низу—быть въ домѣ покойнику. Ужъ чего безобиднѣй курицы, и та если запѣла пѣтухомъ— зарѣжутъ, а то быть бѣдѣ отъ куринаго пѣнія. Воронъ или филинъ кричитъ на домѣ—большое несчастіе. Летучая мышь тоже нагоняетъ страхъ. Думаютъ, что она вырываетъ волосы и относитъ ихъ на сухое дерево, а человѣкъ отъ этого начинаетъ сохнуть и умираетъ. Правда, случается, летучая мышь садится на голову, но волосъ никогда не вырываетъ, а просто со страху уцѣпится лапками, а потомъ и запутается въ волосахъ. И никогда никто не умретъ, если нѣсколько волосъ съ его головы отнести, не то что на сухое дерево, а куда угодно. Даже кошку и ту не оставили въ покоѣ съ примѣтами. Кошки вообще очень чистоплотны, любятъ тереть себѣ рыльце лапками—умываться, какъ говорятъ. И вотъ начала кошка умываться—значитъ „гости будутъ“, а будутъ съ той стороны, говорятъ *знающіе* люди, въ какую повернутъ хвостъ. Нѣкоторыя примѣты бросаются въ глаза своею нелѣпостью и надо удивляться только, какъ люди вѣрятъ имъ. Вотъ одна изъ нихъ: если кто укралъ собаку и хочетъ, чтобъ она не убѣжала, то пусть смѣряетъ ея хвостъ ниткой и собака никуда

не убѣжитъ. Можно поручиться чѣмъ угодно, что если поймать первую попавшуюся собаку, смѣрять ей хвостъ, а потомъ пустить ее, то она удеретъ со всѣхъ ногъ, а вовсе не останется.

Но подобныя примѣты не приносятъ особаго вреда. Спуталъ самъ себя человѣкъ и ходитъ какъ въ цѣпяхъ, а есть такія повѣрья, что если ихъ исполнять, то получается большой вредъ. Во многихъ деревняхъ есть повѣрье, что тушить пожары—грѣшно, и выгораютъ, благодаря этому, цѣлыя села и деревни. Есть также дни особые, запретные, когда нельзя работать, такъ какъ руки будутъ въ болячкахъ и все тѣло покроется язвами. И добро бы праздникъ былъ, а то и этого нѣтъ. Существуетъ въ народѣ суевѣріе относительно 28-го октября, когда крестьяне празднуютъ св. Пятницу. Такой святой совсѣмъ не было, а день этотъ въ старину считался праздничнымъ потому, что въ это время собирался базаръ и со всѣхъ сторонъ съѣзжались торговцы. И почему то въ этотъ день крестьяне особенно боятся работать. Много обмановъ и воровства происходитъ по деревнямъ, благодаря этому суевѣрію. Одинъ разъ работала баба у себя въ избѣ, вдругъ является какая то старуха и начинаетъ укорять работницу, говоря, что въ этотъ день нельзя работать. Испуганная баба спрашиваетъ: „кто же ты сама то?“, а та говоритъ, что она св. Пятница и что ей каждый разъ больно, когда кто работаетъ. Баба не смѣетъ шелохнуться, хотя и слышитъ шумъ въ кладовой, а когда старуха ушла, то оказалось—въ кладовую забрались воры и все покрали, и старуха, сама называвшая себя Пятницей, была за одно съ этими ворами.

Много всякихъ примѣтъ и повѣрій ходитъ въ народѣ и сильна въ немъ вѣра въ колдуновъ и колдуній. Вѣдьмы, русалки, домовые и лѣшіе—все это смущаетъ темныхъ людей и будетъ смущать до тѣхъ поръ, пока знаніе не разсѣетъ темноту. Вотъ почему школа и учитель должны быть въ каждой деревнѣ. Только знающій человѣкъ свободенъ отъ всякихъ суевѣрій и ложныхъ страховъ, а эти страхи и суевѣрія сильно мѣшаютъ жить.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Источники: Афонасьевъ. „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу". — Терещенко. „Бытъ русскаго народа". — Забылинъ. „Русскій народъ". — Клементовскій. „Кликуши". — Ожешкова. „Колдунья". Чит. нар. шк. „Колдуньи и колдуны". — „Сумцовъ Сельскія повѣрья". — Соч. Тургенева, т. I.